С. Т. Нефёдов

ТЕКСТОВО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В «ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ГАРМОНИИ» ОТФРИДА

В статье анализируются разноструктурные образования эпистемической семантики с сегментирующей функциональной нагрузкой в поэме Отфрида (IX в.) – словоформы, предложно-субстантивные словосочетания, вставные предложения, не привлекавшие ранее внимания германистов. Анализируются их текстово-семантические функции и коммуникативно-прагматический потенциал.

S. Nefyodov

TEXTUAL AND SEMANTIC FUNCTIONS AND PRAGMATIC POTENTIAL OF PARENTHESES WITH EPISTEMIC SEMANTICS IN OTFRIED'S "GOSPEL HARMONY"

The article analyses modal components of various structures that contain epistemic semantics loaded with segmenting functions in Otfried's poem of the 9 th century. These are word forms, prepositional-substantive word combinations and parentheses, which German philologists have not paid attention to. Their textual and semantic functions and communicative and pragmatic potential are also analysed.

«Евангелическая гармония» была создана вейсенбургским монахом Отфридом в 863–871 гг. Язык этого древнего памятника – фонетическая огласовка древнегерманских корней, лексический состав и грамматические черты составляющих – позволяет германистам однозначно говорить о том, что данный текст написан на

рейнско-франкском диалекте[1]. Это – единственный значительный по объему (7400 двустиший) древневерхненемецкий памятник, сохранившийся не в отдельных фрагментах или во вторичных списках, разбросанных, как это часто бывало, по монастырям Германии различных диалектных ареалов, а целостное речевое произведение известного по имени автора. Кроме того, сохранился манускрипт, отредактированный самим автором, что вообще уникально как факт для рукописей данного исторического периода.

В художественное пространство немецкой культуры этот древний текст вошел на правах новаторского произведения. Впервые в нем вместо традиционного для древней немецкой поэзии аллитерационного стиха Отфрид применил новую художественную форму – ассонансный стих. Как считают исследователи данного текста, на Отфрида оказали определяющее влияние при этом латинские церковные гимны. Техника такого стиха проста: два полустишья связываются в единый стих конечной рифмой[2] .

Значительное место среди средств, участвующих в формально-структурной и соответственно фонетической организации рифмованного стиха, занимают вставные конструкции модально-оценочной семантики в конечной позиции полустишья. На эту особенность поэтического стиля Отфрида обращал внимание еще известный отечественный германист и историк языка В. Г. Адмони: «Особенно широко эти формы представлены у Отфрида, что стимулируется общим эмоционально-повышенным характером этого произведения ‹...›, а также его стихотворной формой, заставляющей автора широко прибегать для соблюдения размера и рифмы (ассонанса) к модальным компонентам (обычно вводным)»[3]. Заметим, что структурно-синтаксический диапазон таких средств у Отфрида весьма широкий, а их функциональная нагрузка и коммуникативно-прагматические свойства не нашли пока подробного освещения в германистической литературе.

Дискурсивные текстово-семантические функции рассматриваемых далее синтаксических образований денотативно исчерпываются выражением эпистемических модусов знания и мнения, ответственных в речевой коммуникации за передачу говорящим модальных оценок истинности событий и достоверности сообщаемой информации. На эти значения дополнительно накладываются субъективные оттенки убежденности (уверенности) / сомнения говорящего лица, проецирующие в дискурс контакт говорящего и собеседника. Подобный синкретизм содержательных моментов у анализируемых высказываний опосредован единством прагматических оснований функций: функции выражения модально-оценочного отношения говорящего к миру и функции воздействия на адресата.

В структурно-синтаксическом плане такие грамматические образования могут иметь самую разнообразную форму выражения: форму предложения, предложно-субстантивного словосочетания, отдельной падежной словоформы или краткого нефлективного слова. В поэме Отфрида наиболее частотна сентенциональная форма выражения эпистемических модусов в их обезличенном варианте без эксплицитного выражения позиции «я» – говорящего.

По своему лексико-структурному наполнению указанные грамматические конструкции сентенциональной формы имеют трехкомпонентный состав: начальное демонстративное подлежащее thaz + копулятивный глагол sîn в спрягаемой форме + модальный предикатив. В качестве вершинного элемента всей конструкции выступает модальный предикатив. Модальный предикатив чаще всего выражен субстантивом/адъективом war в краткой нефлективной форме. Для древних этапов развития немецкого языка допускается категориальная омонимия качественных нефлективных слов в определенных семантико-синтаксических позициях. Об этом пишет, например, И. А Николаева, специально изучавшая смысловые связи таких слов в

группе глагола на материале древневерхненемецкого периода: «Древней является омонимия в предикативной функции форм типа sêr, uuâr, ubil, которые могут быть поняты и как предикативные прилагательные, и как предикативные существительные»[4]. Кроме упомянутого возможны и иные способы языкового представления предикативного члена: лексемами и структурами на их базе с другим эпистемическим значением. Рассмотрим сначала построения с war, которые можно проиллюстрировать следующими типичными примерами из Отфрида:

(1) «Ih sagen iu», guad er, / «***thaz ist war***: // er kleipta mir ein horo thar / ...» (O., III, 20, 59: 140) – (Исцеленный слепой рассказывает) «Я же говорю вам,» – сказал он, – «***это – правда***: он намазал мне брение из слюны...»[5];

(2) Wanta er giscuaf thesa erda / joh himilisga wunna, // ouh then se hiar nidana; / bi thiu giang er thar so obana. // Thaz was bi thiu, ***in war min***: / ther selbo wag ther was sin, // der selbo se, ***thaz ist war***; / bi thiu nintweih er mo thar // (O., III, 9, 17–18: 116) – (комментарий Отфрида. – *Н. С.*) Поскольку он (Иисус) создал эту землю и небесную благодать, а также здесь внизу и море, то именно поэтому он шел поверх вод. Это было потому, ***по-моему***, что это самое волнение было его и само это море, ***это – правда***; именно поэтому он не погиб там.

(3) ***Theist algiwis, nalas wan***, / theiz thuruh inan ist gitan // (O., II, 2, 15: 57) – ***Это совершенно точно, а не выдумка***, что весь мир сотворен им (комментарий Отфрида. – *Н. С.*).

(4) «Meistar, zellu ih thir ein: / ***nist thes zuival nihhein***, // wir wizun thaz gizami, / thaz thu fon gote quami». // (O., II, 12, 7: 78) – «Учитель, скажу я тебе одно: ***нет никакого сомнения в этом***, мы прекрасно знаем, что ты пришел от Бога».

В первом из приведенных текстовых фрагментов комментирующая вставная структура thaz ist war «вклинивается» между грамматической конструкцией ввода прямой речи говорящего «ih sagen iu» и предложением, описывающим предмет сообщения. Она оказывается грамматическим образованием, функционально подобным модальным компонентам иной синтаксической формы представления в составе автореферентных высказываний, вводящих прямую речь типа ih sagen thir zi ware / in alawar / in war min (я, по правде / истинно, тебе говорю). Более того, семантико-синтаксическая идентичность местоположения таких типов компонентов в целостном грамматическом построении позволяет предположить, что в основе разноструктурных речевых образований лежит и единая глубинная когнитивная схема организации мысли, которая на поверхности языка может иметь разную форму представления. Об этом же свидетельствует и пример (2), где рифмующиеся друг с другом предложно-субстантивное словосочетание, распространенное атрибутивным членом min – притяжательным местоимением, поддерживающим автореферентную соотнесенность всего выражения со сферой говорящего, – и вставная безличная конструкция thaz ist war могут быть истолкованы как функционально синонимичные грамматические образования. Их глубинная предикативность легко восстанавливается в контексте сообщения и может быть описана структурой с эксплицитным модусом Ich weiß genau (mit Sicherheit) / Für mich ist es sicher (gewiß), daß P.

В текстово-семантическом плане, с точки зрения вклада данного типа построений в организацию линейно разворачивающегося текстового содержания для иллюстрированных структур решающим фактором выступает наличие в их составе прономинативного элемента – демонстратива thaz. В сематико-синтаксической организации целостной конструкции на него ложится основная функциональная нагрузка выражения грамматической связи вставного эпистемического образования с пред-/послетекстом. Выполнение разными лексико-грамматическими разрядами прономинативов служебно-связующей функции в

контекстах речи базируется, как известно, на содержательной синсемантии местоименных элементов, осуществляющих анафорический подхват или катафорическое предвосхищение разных по объему текстовых фрагментов.

Связующая функция указательного прономинатива thaz в его текстовых реализациях проецируется на вставную эпистемическую конструкцию в целом. Благодаря этому она вовлекается в процесс коммуникативного членения передаваемой предметной информации и градуирования элементов сообщения по их смысловой актуальности и важности в контексте речевого высказывания.

В катафорически связующей функции в качестве предвосхищающих грамматических построений, создающих эффект локального коммуникативного напряжения и ожидания последующей информации такого рода, вставные эпистемические конструкции уже были приведены в начале статьи (см. примеры 1, 3, 4). В анафорическом употреблении анализируемые структуры обладают разным коммуникативно-прагматическим потенциалом в зависимости от позиции в составе целостного синтаксического образования. Если обсуждаемые построения «вклиниваются» в смысловые связи тяготеющих друг к другу компонентов предложения и «разрывают» их, то на первый план выдвигается их членящее воздействие на структуру и участие в выделении (рематизации) того или иного компонента как коммуникативно и по смыслу важного элемента сообщения. Например:

(5) Nist ther io gihogeti / in alleru worolti, // thaz kuning thihein fuari / mit sulicheru zieri, // Then io liuto dati / so scono giereti, // thaz thionoti imo in waru / mit sulicheru fuaru // Ther selbo liut, ***thaz ist war***, / breitta sina wat thar, ...// (O., IV, 4, 27: 164) – Нет такого человека во всем мире, который бы вспомнил о том, как какой-нибудь царь в таком великолепии входил (в город), которого бы люди когда-либо так сильно чествовали, прислуживая ему, воистину, в такой поездке. Именно эти люди, ***это – правда (верно)***, расстилали перед ним одежды там.

(6) «Nist man nihein, ***thaz ist war***, / ther queme zi themo fater sar, // thes iaman inan gibeite, / ih inan ni leite» // (O., IV, 15, 21: 184) – «Нет ни одного человека, ***это – правда (верно)***, который приходит к Отцу (Богу) не иначе, как через меня.»

(7) «... joh ther fater, ***thaz ist war***, / gesceidit sih fon in thar» // (O., V, 20, 42: 250) – «... и даже Отец (Бог), ***это – правда (верно)***, отступится от них (грешников)».

(8) Ni bat thes, ***thaz ist war***, / thaz er fuari thara sar...// (O., III, 11, 9: 118) – Не просила она именно о том, ***это – правда (верно)***, чтобы он (Иисус) пошел тотчас же туда (к больной дочери, чтобы исцелить ее – *Н. С.*).

При включении подобного рода вставных конструкций в завершающие фрагменты текста, маркирующие конечные вехи в развитии частных сюжетных линий или рассуждений говорящего лица, они выполняют резюмирующую коммуникативную функцию, преподнося итоговую эпистемическую оценку истинности сообщаемого говорящим в категорично подчеркнутой – в том числе, и благодаря конечной позиции – форме. Например:

(9) ‹...› Thaz habeta mit then mahtin / ther ewigo druhtin / ubarwuntan, ***thaz ist war;*** // (O., V, 14, 14: 240) – ‹...› Это превозмог вечный Господь благодаря своей силе, ***это – правда (верно)***.

(10) Thiz zeichan deta druhtin / Krist mennisgon zi erist, / ‹...› Er ougta sina kraft thar / joh sina guallichi, ***theist war;*** // (O., II, 8, 55: 71) – Это свое чудо Христос сотворил людям впервые ‹...› Он показал свою силу там и свою благодать, ***это – правда(верно)***.

(11) Zi in sprah er tho sar: «ih bin iz selbo, ***thaz ist war***»; // (O., IV, 16, 39: 187) – Тогда сказал он (Иисус) им (пришедшим его арестовывать): «Это я сам, ***это – правда (верно)***».

(12) «Ir heizet allaz thaz jar / mih druhtin inti meistar; // rehto sprechet ir thar: / ich bin ouh so, *thaz ist war*» (O., IV, 11, 46: 178) – «Вы

зовете меня всегда господом и учителем; вы правильно говорите: я именно такой, ***это — правда (верно)***».

Следует отметить, что на историческом материале такие вставные грамматические конструкции с включением модальных элементов эпистемической семантики в германистике специально не обсуждаются и не выделяются в особую разновидность[6]. В последних работах зарубежных авторов по историческому синтаксису древневерхненемецких диалектов, а также в статьях, посвященных непосредственно описанию синтаксической организации поэмы Отфрида и типичных для него грамматических конструкций, среди прочих вставных построений фигурируют некоторые структуры с verba dicendi и verba cognoscendi без модальных компонентов: Ih sagen thir thaz (O., I, 15: 40); thaz zellu ich hiar suntar (O., V, 1: 7); thaz ni hilu ih thih (O., II, 19: 23); wizun wir thaz, ni miduh mih thero worto (O., IV, 5: 7); hugget therero worto! (O., I, 23: 57) и некоторые другие[7]. Анализ таких построений ограничивается в упомянутых работах главным образом указанием на общий характер их смысловой связи с предложением, в которое они вводятся, и осуществляется с использованием терминов «Trдgersatz» (включающее предложение) и «Schaltsatz» (включенное предложение). Так, Рихард Шродт выделяет три типа отношений для паратаксисных вставных структур («koordinierte Parenthese»): присоединительные («mit Additionsbeziehung»), описывающе-характеризующие («mit Teilbeziehung») и комментирующие («mit Kommentarbeziehung»). Для гипотаксисных вставных структур он вычленяет два типа семантико-смысловых отношений между вводным и «принимающим» предложением: обосновывающе-мотивирующие («begründet oder motiviert») и обосновывающе-комментирующие («begründet oder kommentiert»)[8].

Как видно из собранного и представленного автором настоящей статьи текстового материала, круг таких вставных грамматических построений у Отфрида гораздо шире, чем в упомянутых выше работах. Их обсуждение должно включать, кроме всего прочего, и поиски ответов на вопросы о том, под воздействием каких факторов такие языковые образования вводятся в текст, какими функциональными нагрузками, текстово-семантическими и экспрессивно-прагматическими функциями они обладают в составе целого, какая роль для них отводится автором в организации разворачиваемого дискурс-текста.

В работах, посвященных описанию современных германских языков, подобного рода структуры модально-эпистемической направленности упоминаются иногда в разрядах «вставных» предложений[9], «вводных», «соотнесенных предикативных конструкций»[10] или «присоединительных» предложений[11]. В немецкой зарубежной германистике такого рода структуры можно обнаружить в грамматических трудах среди так называемых «weiterfьhrende Sätze», Schaltsätse и Parenthesen[12].

Выделение таких структур в отдельный тип у большинства германистов опирается на особенности их семантико-синтаксических отношений с соседствующими составляющими. Присущая им грамматическая связь с целым не укладывается в рамки традиционно выделяемых двух основных типов синтаксической связи компонентов — сочинения и подчинения, ее можно было бы условно назвать соотносительной.

Соотносительная связь характеризует отношения между рассматриваемыми в данном разделе вставными структурами, формирующими авторизованный план сообщения, параллельный основной линии повествования, и предложением, в которое они «вклиниваются» или к которому они «прислоняются» на положении модально-оценочных детерминантных членов, «надстраивающихся» над разными по объему текстовыми составляющими и включающими их в сферу своего действия.

К кругу обсуждаемых вставных конструкций могут быть отнесены и другие их виды. Так, в поэме Отфрида аналогичное

применение получают построения с когнитивом wanen (думать, полагать, предполагать), представляющие собой экспликацию полной структуры эпистемического модуса полагания; например:

(13) «Thaz man sih ni firsuerie, / thaz, ***wan ih***, wizod werie» // (O., II, 19, 7: 92) – «Чтобы не нарушать клятвы, от этого, *я думаю*, пусть защищает закон» (слова Иисуса).

(14) Hintarquamun alle thie / biruun tharinne; // in muat iz, ***wan ih***, ruarti / thie selbun burgliuti // (O., IV, 4, 60: 165) – Испугались все, кто был там; в смятение, ***я думаю***, пришли все жители города (комментарий Отфрида).

(15) Thu ni bist es, ***wan ih***, wis: / thaz lant thaz heizit paradis // (O., I, 18, 1: 39) – Тебе, ***я полагаю***, неизвестно: эта страна зовется Раем.

(16) «Furira, ***wan ih***, thu ni bist / thanne unser fater Jacob ist» // (O., II, 14, 31: 84) – «Не выше, ***думаю я***, ты, чем наш отец Иаков».

В некоторых речевых контекстах «Евангелической гармонии» такие вставные конструкции представлены в усеченной форме: с элиминированным субъектом, выраженным при полной экспликации личным местоимением 1-го лица; например:

(17) Anna hiaz thar ein man, / Kaiphases suehur, ***wan***; // zi themo lettun sie erist / selbon druhtinan Krist // (O., IV, 17, 31: 188) – Анна прозывался тот человек, свекор Каиафы, ***полагаю***; к нему привели они сначала самого Господа Христа.

Весьма употребительны у Отфрида местоименно-субстантивные и предложные словосочетания с существительным meina, образованным от древневерхненемецкого слабого глагола 1-го класса meinen, имеющим сопоставимые с wanen значения. Случаи употребления самого когнитива meinen в качестве предиката вставных конструкций, репрезентирующих эпистемический модус полагания, в «Евангелической гармонии» не зафиксированы. Сочетания с субстантивом meina, принадлежащим к сильному типу склонения существительных женского рода с гласной основой на -ô-, разнообразны по составу компонентов и их грамматическому выражению: thia meina, bi thia meina, io meino, thio meina, then meinon и т. п. Они имеют в контекстах речи значение «истинно», «конечно (же)» и в ряде случаев структурно обособлены. Приведем некоторые примеры.

(18) ...quam tho thara ingegini / mihil woroltmenigi. // Nales ***then meinon*** / bi druhtinan einon, ... // (O., IV, 3, 3: 162) – Шли туда ему навстречу многие толпы: не только из-за него, ***конечно же***, не из-за одного Господа, ... (но и из-за воскрешенного им Лазаря. – *Н. С.*).

(19) Erda bibinota, / thiu gotes kraft sies notta, // ***ouh in tlia meina***, / so spialtun sih thie steina // (O., IV, 34, 2: 212) – Земля сотряслась, – это сила божья, она это вызвала; ***конечно же***, именно поэтому трескались камни.

(20) Ni namun sie ***thia meina*** / thero wibo klaga gouma, // (O., IV, 27, 1: 203) – Не обращали они, ***конечно же***, никакого внимания на стенания женщин.

(21) Bigonda genu drahton, / ‹...› // si sih zi thiu gifiarti, / thaz siu inan biruarti // (Thoh ***bi thia meina***, / thia dradun ekord eina); // (O., III, 14, 19: 123) – И начала та (женщина) размышлять (в душе своей переживать) о том, как это она дошла до того, что прикоснулась к нему (Пусть даже – ***и это точно*** – коснулась только полы его одежды).

(22) Thie jungoron thiz gisahun, / influhun imo gahun; // then meistar ***io meino*** / liazun sie thar eino! (O., IV, 17, 28: 189) – Когда ученики увидели это, они быстро убежали от него (разбежались); учителя, ***конечно же***, они оставили там одного (арест Иисуса).

Такие падежные и предложные сочетания с существительным meina в качестве центрального элемента в отличие от проанализированных вставных конструкций с глаголом wanen денотативно соотнесены не с эпистемическим модусом полагания, а с выражением достоверности сообщаемого и убежденности говорящего относительно того, о чем он говорит. Поэтому такие ком-

поненты оказываются в контекстах поэмы синонимичными словосочетаниями с лексемой war и вставной конструкции с ней thar ist war. Это утерждение может быть проиллюстрировано примерами типа:

(23) « Nist iuer nihein (***thaz ist war***) / so harto sulih dufar, // thiu kind thih bitte brotes, / thaz thu mo steina bietes; // ni biutist ***thia meina*** / natarun niheina; // Ni biutist ouh ***in wara*** / scoppion (thia zala)» // (O., II, 22, 34-35: 97) – «Нет среди вас ни одного (***это – правда***) настолько глупого, что если попросит дитя хлеба, то ты дашь ему камень; не подашь ты ему, ***конечно же***, никакой змеи, не предложишь, ***конечно же***, также и скорпиона».

Итак, рассмотренные сентенциональные построения, соотносимые с ними предложно-падежные словосочетания и нефлективные краткие слова формируют особый авторизованный план сообщения в поэме Отфрида, позволяют подключать голос автора (говорящего) непосредственно к изложению и выражать личное авторское (говорящего) мнение в модусах уверенности, истинностной достоверной оценки, предположения и сомнения.

Детерминантное положение таких структурных образований в целом вытекает из их соотносительной смысловой связи со всем составом наличного предложения/текстового фрагмента и из обычной для них позиции компонентов, «вклинивающихся» в смысловые связи облигаторных членов целостной грамматической конструкции. Именно относительно самостоятельное семантико-синтаксическое положение рассмотренных элементов в общей организации грамматической конструкции может считаться одним из диахронических источников формирования в немецком языке некоторых видов модальных компонентов эпистемической семантики. Среди них могут быть упомянуты и такие широко представленные в современном языке эпистемические выражения, как meiner Meinung nach, meines Erachtens, nach mir и многие другие.

Сокращения

O. – Otfrids Evangelienbuch / Hrsg. von Oskar Erdmann. 6. Aufl. von Ludwig Wolff. Trübingen, 1973.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гухман М. М., Семенюк Н. Н.* История немецкого литературного языка IX–XV вв. – М., 1983. – С. 38.

[2] *Адмони В. Г.* Исторический синтаксис немецкого языка. – М., 1963. – С. 29–30; *Sinder L. R., Strojewa T. V.* Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte. – Leningrad, 1977. – S. 16; *Meineke E., Schwerdt J.* Einführung in das Althochdeutsche. – Paderborn; München; Wien, 2001. – S. 149–157.

[3] *Адмони В. Г.* Указ. соч. С. 39–40.

[4] *Николаева И. А.* Прилагательное и качественное наречие в группе глагола в древневерхненемецкий период: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1956. – С. 186.

[5] Все переводы на русский язык носят характер подстрочника и сделаны автором статьи; кроме того, для удобства восприятия и анализа в древненемецкий оригинал внесены авторские маркеры членения стиха: одна косая черта обозначает границы полустишья, а две – границы стиха в рамках рифмованного двустишья.

[6] См. хотя бы в исторических грамматиках: *Admoni W.* Historische Syntax des Deutschen. – Tübingen, 1990; *Ebert R.P.* Historische Syntax des Deutschen. (Sammlung Metzler 167). – Stuttgart, 1978; *Wunder D.* Der Nebensatz bei Otfrid. – Heidelberg, 1965.

[7] См., например: *Greule A.* Zwischen Syntax und Textgrammatik: die Parenthese bei Otfrid von Weißenburg // Historische germanische und deutsche Syntax. Akten des internationalen Symposiums anläßlich des 100. Geburtstages von Ingerit Dal. Oslo, 27.09 – 01.10.1995. – Frankfurt a/M., 1998. – S. 193–205; *Greule A.* Die Parenthese in der deutschen Sprache: Gegenwart und Geschichte // Probleme

der historischen deutschen Syntax unter besonderer Berücksichtigung ihrer Textsortengebundenheit. Akten zum Internationalem Kongress an der Freien Universität Berlin 29. Juni bis 3. Juli 2005 / Hrsg. von Fr. Simmler und Cl. Wich-Reif. Bd. 9. – Berlin, 2007. – S. 349–360; *Schwerdt J.* Zur Funktion der Parenthese bei Otfrid und im Heliand // Septuaginta quinque. Jenaer germanistische Forschungen. Bd. 5 / Hrsg. von Haustein J., Meineke E., Wolf N. R. – Heidelberg, 2000. – S. 317–354; *Schrodt R.* Althochdeutsche Grammatik II: Syntax. – Tübingen, 2004.

[8] *Schrodt R.* Op. cit. S. 223–224.

[9] *Адмони В. Г.* Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М., 1955. – С. 84.

[10] *Седун Е. Н.* Понятие вводной конструкции в синтаксисе современного английского языка // Иностранные языки в школе. – 1956. – № 4. – С. 11–16; Структурный синтаксис английского языка / Отв. ред. Л. Л. Иофик. – Л., 1972. – С. 150.

[11] *Гаврилова В. В.* Исследование экспрессивного потенциала присоединительных конструкций в современной немецкой художественной литературе: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Л., 1969; *Гулыга Е. В.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. – М., 1971. – С. 167–169; *Соколова Л. П.* Присоединительные конструкции в современном немецком языке как явление коммуникативного синтаксиса: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Л., 1974.

[12] *Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache. – Leipzig, 1966. – S. 28–29; Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearb. und erweiterte Aufl. Bd. 4. Mannheim; Wien; Zürich, 1984. – S. 570–571; *Engel U.* Deutsche Grammatik. – Heidelberg, 1988. – S. 230; Grammatik der deutsche Sprache / Hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker u.a. Bd II. – Berlin; New York, 1997. – S. 2331–2332.